

РОЛЬ ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА К.Г. ПАУСТОВСКОГО «ДЫМ ОТЕЧЕСТВА»

Ю.В. Маликова

Ключевые слова. А.С. Пушкин, К.Г. Паустовский, система персонажей, роман, традиция, мотив

Keywords: A.S. Pushkin, K.G. Paustovsky, character system, novel, tradition, motive

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–02](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–02)

Введение
Роман «Дым отечества» был написан Паустовским в 1944 году. По объективным причинам во время войны рукопись романа была потеряна, вследствие чего его публикация случилась лишь через 20 лет и была сопровождена следующим замечанием автора: *«Конечно, если бы мне пришлось писать роман на эту тему сейчас, я написал бы его по-иному — кругозор писателя с каждым прожитым годом становится шире, оттачивается и его литературное мастерство. Но я печатаю роман без значительных изменений, как одно из свидетельств эпохи, своего тогдашнего восприятия и понимания людей и событий»* (Константин Паустовский. Т. 2. Романы и повести. 1967. С. 308). Данный комментарий подчеркивает, что для Паустовского роман состоялся как целостное художественное произведение, явился отражением военной эпохи.

История публикации романа во многом спровоцировала полемику о нем. Так, в 2023 году вышла книга К. Трунина «Паустовский. Критика и анализ литературного наследия», в которой автор говорит о художественной несостоятельности романа, аргументируя свою мысль так: «Произведения не забываются, если им есть цена. О „Дыме отечества“ Паустовский забыл на двадцать лет» (Трунин, 2023, с. 55). Незадолго до этого в 2020 году на сайте журнала «Юность» была опубликована статья М. Бутова «Самый потерянный роман о войне. И обретенный», в которой автор указывает на один важный биографический факт: в 1962 году, до обнаружения потерянной рукописи, Паустовский издал книгу «Потерянные романы», в которую включил сохранившиеся фрагменты различных утраченных текстов, в том числе «Дыма отечества». Исходя из этого, называть роман забытым некорректно. Бо-

лее того, сам Паустовский в предисловии к «Потерянным романам» написал следующее:

«На протяжении своей довольно долгой и сложной писательской жизни я потерял всего только три романа. Я пишу „всего только три“ потому, что мог бы потерять и больше. Потерял я эти романы не потому, что небрежен и не ценю свой труд. Нет! Просто жизнь сложилась так беспокойно, что беречь рукописи стало делом неверным, а иной раз и невозможным.

Наше поколение пережило первую мировую войну, потом величайшую революцию, гражданскую войну, голод, непрерывные скитания и, наконец, последнюю войну, когда рукописи странствовали сами по себе, спасаясь от военных бедствий» (Константин Паустовский. Потерянные романы. 1962. С. 5).

Тот факт, что Паустовский опубликовал фрагмент романа до обнаружения его полной рукописи, говорит о его ценности для самого автора.

Тем не менее роман «Дым отечества» остается одним из самых малоизученных произведений Паустовского. В крупных диссертационных исследованиях роман удостоивается лишь упоминания, что отчасти объясняется устоявшимся мифом о его художественном несовершенстве, сложившимся в результате более чем полувековой исследовательской практики. Как отмечала еще Л.С. Ачкасова: «Нет единства мнений о его [Паустовского] творчестве во время Великой Отечественной войны и в последние десятилетия. <...> Неоднократны были упреки в адрес „созерцательности“, „социальной пассивности“, „идейной инертности“ Паустовского, отошедшего якобы от больших проблем литературы и переключившего главное свое внимание на художественные миниатюры, на профессиональную технику» [Ачкасова, 1972, с. 29]. Иными словами, в литературоведческой среде «Дым отечества» не получил высокой оценки, что отражается в отсутствии полноценных научных исследований, посвященных ему. Появляющиеся в последние десятилетия работы содержат в себе наблюдения над отдельными аспектами поэтики романа [Девиатирова, 2011; Чувакин, 2016; Борисова, 2022]. Исходя из того факта, что роман до сих пор вызывает противоречивые оценки, его изучение представляется актуальным. Новизна данной статьи обосновывается тем, что попыток исследования поэтики романа в контексте классической русской культуры до сих пор не предпринималось.

Методология исследования

Цель работы — выявление художественного функционирования пушкинской традиции в организации системы персонажей романа —

побуждает нас обратиться к историко-литературному подходу. Методика анализа литературной традиции осуществляется нами с опорой на труды В.В. Мусатова «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века», Н.В. Налегач «Пушкинская традиция в лирике И. Анненского». Изучение произведения в рамках историко-литературного подхода сочетается с анализом поэтики, методика которого обнаруживается в трудах Ю.Н. Тынянова, В.М. Жирмунского, а также развито и продолжено представителями московско-тартуской структурно-семиотической школы, и представителями структурализма. Также важным применяемым нами в связи с выполнением исследования в рамках историко-литературной методологии является принцип контекстуального и сопоставительного анализов и комментирования конкретных эпизодов романа, соотносимых с историческими событиями и ситуациями, поскольку событийный план четко соотнесен с конкретно-историческим событием Великой Отечественной войны.

Результаты исследования

Приступая к анализу романа, следует в первую очередь обратить внимание на его заглавие. По утверждению многих исследователей, название художественного текста задает определенные координаты его прочтения. Заглавие «Дыма отечества» содержит отсылки сразу к нескольким поэтическим текстам и является крылатой фразой, распространившейся на территории Западной Европы, а также России [Васильев, Жаткин, 2019, с. 63]. Во-первых, цитата используется в стихотворении Г.Р. Державина «Арфа», заканчивающемся стихом: *«Отечества и дым нам сладок и приятен»* (Гавриил Державин. Сочинения. 1985. С. 202–203), который, в свою очередь, как указано в комментариях Я. Грота, является отсылкой к описанной в «Одиссее» Гомера ситуации невозможности героя попасть домой и его готовности погибнуть, лишь увидев родные места [Грот, 1865, с. 189–194]. Заглавие «Дым отечества» в данном случае символизирует родную землю, представляющую ценность для человека, лишенного возможности пребывать дома. Во-вторых, данная цитата появляется в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, где становится частью реплики главного действующего лица пьесы — Чацкого: *Когда ж постранствуешь, воротисься домой, — И дым отечества нам сладок и приятен* (Александр Грибоедов. Горе от ума. 1963. С. 24).

Позднее цитата используется Тютчевым в стихотворении 1867 года: *«И дым отечества нам сладок и приятен!»* —

Так поэтически век прошлый говорит.

*А в наш — и сам талант всё ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!* (Федор Тютчев. Т. 2. 2003. С. 173).

Данное стихотворение является откликом Тютчева на роман Тургенева «Дым», впервые опубликованный в 1867 году. В нем поэт, безусловно, признает талант Тургенева, но обращает внимание на то, что в романе автор неоправданно критикует Россию. Как отмечает И.А. Семухина, в тургеньевском «Дыме», «характеризуя атмосферу пореформенного общества и внутреннее состояние героя, мотив дыма открыт связям с большинством составляющих мотивной структуры романа: с мотивами театральности (через мотивный вариант „мнимости“, „фальши“), с мотивами рулетки (посредством образов повторяемости, случайности, вращения), с мотивами хаоса („смесь“, „спутанность“, „темнота“, „холод“, „пустота“, „кружение“) и т.д.» [Семухина, 2018, с. 31]. Учитывая данный комментарий, а также то, что описываемые в «Дыме отечества» события происходят в канун и во время Великой Отечественной войны, дым в заглавии романа Паустовского символизирует не только тепло домашнего очага, но огонь войны, охватившей отечество, наступление тревожных времен хаоса и неразберихи, разрыв с прошлым, представляющим ценность [Голованевский, 2018, с. 22–28].

Обращая внимание на актуализацию темы войны, а также на устоявшееся в историографии наименование событий, роман может быть соотнесен с эпопеей Толстого «Война и мир», сюжет которой разворачивается вокруг Отечественной войны 1812 года, а также в значительной степени ориентирован на пушкинскую традицию в плане развития идеи противопоставления наполеоновского начала народному [Артамонова, 2021, с. 49–54]. Безусловно, масштабы изображаемого в произведениях несопоставимы¹, при этом их соотношение возможно благодаря сходству системы персонажей романов, в которых невозможно выделить одного главного героя. В случае с «Войной и миром», как отмечает Т.П. Шарыпова, используется термин «любимые герои»: в романе «нет деления на положительных и отрицательных, есть герои „любимые“ и „нелюбимые“, но причем „любимые“ иногда показаны нелицеприятно, автор испытывает их на человечность, на способность понять душу простого русского человека» [Шарыпова, 2021, с. 221]. В «Дыме отече-

---

¹ Данная ассоциация возникает и в упомянутой выше статье М. Бутова: «Роман Паустовского — своего рода „Война и мир“, но труба, конечно, пониже, дым пожиже, и масштаб замысла поскромнее» (Михаил Бутов. Самый потерянный роман о войне. И обретенный. 13 октября 2020 г.).

ства» в центре внимания оказываются сразу несколько героев: пушкинист Швейцер, актриса Татьяна Андреевна, а также художники Вермель и Пахомов. Все они в романе имеют равное значение, объединены в первую очередь мотивами одаренности и приобщения к русской культуре, а также проверяются испытаниями, спровоцированными войной. Ключевым символом культуры в романе становится Пушкин².

Как отмечает Л.А. Карпушкина: «Образ Пушкина к концу XIX века практически стал играть роль архетипического в русской культуре. В литературе он образовал постоянный фонд мотивов и сюжетов, который пополняется и творчески перерабатывается писателями» [Карпушкина, 2000, с. 32]. Данный архетип представляет собой концентрацию черт и признаков истинного писателя, которыми, по мнению многих, обладал Пушкин. Л.Ф. Киселева обращает внимание, что в советской литературе XX века обращение к Пушкину стало особенно остро чувствоваться к концу 1930-х годов. Это во многом было связано со 100-летней годовщиной гибели поэта, «павшей на сложнейший, можно сказать, антипушкинский период острейшей дисгармонии в самой действительности» [Киселева, 1999, с. 7]. Пушкин в этом смысле воспринимался как эталон писателя, символ гармонии: «У каждого и для каждого из писателей той поры, уже заметно становящихся классиками нового времени, Пушкин выступал в качестве своего рода „прояснителя“ и „вожатого“» [Киселева, 1999, с. 7]. В романе «Дым отечества» изображается судьба героев, переживающих испытания, вызванные войной, нуждающихся в своеобразной путеводной звезде, которой и становится Пушкин.

Как отмечает Р.Г. Круглов: «Закономерно, что при изучении пушкинской традиции в поле внимания исследователей попадает, прежде всего, пушкинский текст в его буквальных проявлениях — номинальных отсылках, явных реминисценциях и цитатах» [Круглов, 2024, с. 2733]. В романе «Дым отечества» образ поэта возникает уже с появлением одного из центральных персонажей — пушкиниста Швейцера. Герой всю жизнь занимается исследованием биографии и творчества классика, при этом осознание и реализация его подлинного жизненного предназначения случается только после решения покинуть стены кабинета и отправиться в Михайловское: *«Бессмысленный я человек, — думал Швейцер. — Зарылся в архивную пыль и прозевал жизнь. Теперь*

² У Паустовского пушкинской теме посвящены также очерк «Михайловские рощи» (1935), повесть об искусстве «Золотая роза» (глава «Молния»), статьи «Пушкин на театральных подмостках» (1969), «Наш Пушкин», пьеса «Наш современник».

не наверстаешь. И о Пушкине надо было писать не по чужим книгам, а хотя бы по ощущению этой зимы»³ (Константин Паустовский. Т. 2. 1967. С. 333). Самым серьезным испытанием в судьбе Швейцера становится Великая Отечественная война, которая побуждает его к решительным действиям и заставляет остаться в Михайловском для охраны музейных ценностей, несмотря на угрозу смерти: *«Швейцер решил, что останется в Михайловском, сделает все, что в его силах, чтобы спасти пушкинский музей, уйдет отсюда последним. Эти мысли были еще не очень ясными, но главное он уже решил: он должен спасти от разрушения эти милые каждому русскому сердцу места, охранять могилу Пушкина»* (с. 463). Через преодоление этого испытания Швейцер обретает истинное предназначение, осознавая своей жизненной целью сохранение наследия Пушкина. В связи с ощущением катастрофичности времени появляется мотив возможной гибели культуры, источником которой становятся гитлеровские захватчики. Осознавая значимость фигуры Пушкина, Гитлер, по слухам, планирует собственноручно разрушить его могилу, нанеся тем самым русскому народу серьезный моральный удар. Вероятно, вводя данный эпизод в сюжет романа, Паустовский опирался на исторический факт, описанный в газете «Правда»: *«Злодеяния немецких извергов на могиле Пушкина» (первая половина): «Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии прежде всего посетят могилу поэта, и потому немцы превратили её в западню для патриотов. На территории монастыря и близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими саперами подразделений Смирнова и Сачкевиуса до трех тысяч мин»* (Правда. № 208/9665. 30 августа 1944 года). Благодаря возможности видеть, каким образом о событиях, связанных с разорением могилы Пушкина, писали в прессе тех лет, становится понятно, что в тяжелый для страны период поэт оставался национальным героем, символом патриотизма. Попытка же врагов уничтожить памятник культуры и народное стремление сохранить его в целостности говорят о его глобальной значимости для народа.

Еще одной героиней, безусловно, имеющей большое значение в системе персонажей романа, является актриса Татьяна Андреевна Боброва. Ее характер формировался под воздействием прочитанных книг: *«Тургенев рассказал ей о Лизе Калитиной, Лермонтов — о черкешенке*

---

³ Здесь и далее цитаты из романа «Дым отечества» приводятся по источнику: Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Романы и повести. М.: Издательство «Художественная литература», 1967.

Бэле, Флобер — о госпоже Бовари, Петрарка — о Лауре. Но разве она, застенчивая девочка, могла быть в жизни такой, как эти женщины! Разве о ней мог написать рассказ Лермонтов или грустить Флобер! Только в театре, на подмостках, в разноцветных огнях, она могла бы сделаться одной из этих полных силы и изящества, любящих и страдающих женщин» (с. 320). Показательно также, что имя героини объединяет ее с одной из любимых героинь Пушкина, Татьяной Лариной, чему особенно способствует мотив чтения, актуализируемый в обоих романах. Так же, как и пушкинская героиня, полюбившая Евгения под воздействием прочитанных книг, Татьяна Андреевна склонна растворяться в мире литературы, что подтверждается упреком ее подруги: «Ты, дочь моя, — сказала она басом, — книги читай, а живи не по книгам. Фантазии брось!» (с. 320). Своей дочери героиня признается в юношеской любви к Пушкину:

Татьяна Андреевна нащупала на перилах вырезанные буквы «Т» и «А» и усмехнулась.

— *Какая я была глупая, Маша, — сказала она. — Изрезала всю беседку. Эти буквы вырезала, когда мне было пятнадцать лет.*

— *А что они значат?*

— *«Т» — это Татьяна, «А» — это Александр. Имя Пушкина.*

— *Зачем же ты его вырезала?*

— *Любила. И ты когда-нибудь полюбишь* (с. 324).

Любовь к человеку, которого Татьяна Андреевна не могла видеть и знать лично, но была знакома через творческое наследие и воспоминания современников, подчеркивает ее отношение к выдуманному миру литературы как к чему-то более реальному, чем ее жизнь, видимая и осязаемая. История замужества героини говорит о ее искреннем стремлении разглядеть в человеке нечто особенное, о готовности порой выдумать черты характера, не присущие ему в реальности: «Уже через год Татьяна Андреевна смотрела на мужа с недоумением и не могла понять, как это случилось, что она вышла за него замуж. Ей казалось, что раньше он был совсем другим — внимательным, умным, веселым. Неужели все это оказалось притворством?» (с. 321). Нечто похожее происходило и с Татьяной Лариной: «Татьяна думала, что нашла свою вторую половину, и прониклась глубокой любовью к Онегину» [Жэнь Сытун, 2024, с. 447]. Однако развязка романа говорит о переживании пушкинской героиней глубокого разочарования вследствие самообмана.

Связь с Пушкиным в жизни Татьяны Андреевны обнаруживается также в ее родственной связи с Каролиной Сабанской, красавицей

полькой, в которую в период южной ссылки были влюблены Пушкин и А. Мицкевич. Сходство обнаруживается во внешности женщин, а также в их характерах: *«Говорят, что Сабанская была эксцентричная женщина, настоящая авантюристка»* (с. 359). Красивая и обаятельная Татьяна Андреевна привлекает к себе внимание мужчин так же, как и ее дальняя родственница. В героиню влюблены художник Пахомов и молодой испанец Рамон Перейро. Швейцер, подробно знающий биографию многих близких Пушкину людей, сообщает Татьяне Андреевне, что она является также дальней родственницей Бальзака: *«позвольте вам сообщить, что у Каролины Сабанской была сестра, графиня Ганская. После смерти своего первого мужа она вышла замуж за Бальзака!»* (с. 360). Глубокая связь с миром литературы в совокупности с актерской деятельностью сделала Татьяну Андреевну укорененной в пространстве мировой культуры.

События Великой Отечественной войны, как и в случае со Швейцером, раскрыли в Татьяне Андреевне ее лучшие стороны. Во время блокады Ленинграда героиня остается в городе и продолжает работать в театре, поддерживая тем самым боевой дух его жителей. Показательно, что в самые тяжелые моменты блокады вновь актуализируется творчество Пушкина: *«Как только Татьяна Андреевна произносила первые слова „Роняет лес багряный свой убор...“, наступала мертвая тишина. В этой тишине переливались звоном бессмертные слова: „Куда бы нас ни бросила судьбина и счастие куда б ни повело, всё те же мы: нам целый мир чужбина; отечество нам Царское Село”»* (с. 485). Стихи действуют на слушателей оживляюще, вновь подчеркивая важность искусства для народа. Неслучайно и то, что отечеством в данном стихотворении Пушкина называется Царское Село, место, в котором свои лицейские годы провел великий русский поэт, где формировалась его личность. Как отмечает А.Ю. Арьев, Царское Село было местом притяжения для таких поэтов, как Тютчев, Ахматова, Анненский, Цветаева, Мандельштам и многих других, оно явилось колыбелью русской поэзии: *«Таким это „отечество“ и осталось в русской литературе — загадочным символом нашей лирической и призрачной земли обетованной»* [Арьев, 1999, с. 220]. Русская литература и культура в целом, Пушкин как личность, несущая в себе народный дух, — это то, что символизирует Россию, ее лучшие традиции, а также то, что способно спасти страну от гибели.

Оживляющая сила искусства видна в момент, когда замерзающий и буквально погибающий в блокадном Ленинграде Швейцер выживает благодаря организованной Татьяной Андреевной лекции для ра-

ботников театра, необходимой в связи с постановкой в театре «Войны и мира»:

— Семен Львович, — внятно сказал высокий человек, — я режиссер драматического театра. Вы слышите меня? Мы ставим «Войну и мир» Толстого. Вы — единственный оставшийся в Ленинграде знаток Толстого и Пушкина. И вот я пришел к вам за помощью (с. 511).

С одной стороны, герой понимает, что в нем как в специалисте в области литературоведения есть нужда даже в самые страшные и холодные времена. С другой стороны, прикосновение к культуре через чтение лекции буквально растапливает заledenевшее на время сердце Швейцера, и это же согревает всех присутствующих: «Он говорил о будущем, о том, что оно не может не быть прекрасным, об искусстве, о жажде счастья, свойственной человеческому сердцу, о грозном времени, ставшем уделом нашего поколения, о приближении полной социальнойсправедливости, о величии культуры — самом гениальном, что создано человеком на протяжении многих веков» (с. 545).

Важной составляющей системы персонажей романа являются художники Вермель и Пахомов. Так же, как и Швейцер и Татьяна Андреевна, герои непосредственно связаны с миром искусства. В Новгород они приезжают для того, чтобы изучить фрески Феофана Грека и других древних живописцев. Здесь же происходит знакомство художников с Татьяной Андреевной. Вермель, как представитель старшего поколения, придерживается мнения о том, что созданию произведений искусства необходимо уделять большое количество времени, полагаясь при этом на опыт и знания предшественников, что противоречит мнению его ученика Пахомова, который привык полагаться на чувства и вдохновение: «Придирчивый, всем недовольный, он [Вермель] мирился только с Пахомовым, но все же не пропускал случая, чтобы не сказать, что Пахомов лентяй, мечтатель и, откровенно говоря, у него нет настоящего отношения к искусству. Вермель считал, что оно заключается в постоянном недовольстве своей работой, в спорах из-за каждой линии и каждого мазка. Пахомов же думал, что искусство начинается там, где исчезает напряжение» (с. 311). При этом Вермель является обладателем взрывного характера, он эмоционален и категоричен в своих высказываниях. Жена Швейцера, Серафима Максимовна, недолюбливает Вермеля за его прямолинейность, называя его «фантазером» из-за его авантюризма: «Люблю цыганскую жизнь! — воскликнул Вермель. — Люблю болтаться по России!» (К.Г. Паустовский. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. 1967. С. 339). Она не одобряет тот факт, что в Михайловское Швейцера приглашает именно Вермель. Художник же, отвечая на по-

добное отношение к себе, приводит в пример Пушкина как образец творческой личности: *«Зачем же Швейцер занимается жизнью этого кипучего, беспечно, склонного к мальчишеству поэта, если не считает, что эти свойства Пушкина заслуживают подражания?»* (с. 332).

Пахомов эмоционален и чувствителен, но, в отличие от Вермеля, любит тишину и спокойствие. Его матерью была обрусевшая гречанка, дочь одесского контрабандиста, любившая разгульную и отчаянную жизнь. Она, по мнению самого Пахомова, лишила его детства: *«Каж-дый раз, когда Пахомов слышал слова „у него не было детства“, он вспоминал о себе. Детства у него действительно не было... Что осталось в памяти? Пышные холодные комнаты, развешанные на стенах поучительные изречения»* (с. 312). Непростое детство оказало на Пахомова влияние, но сделало его добрым, открытым и сопереживающим человеком. То, как он воспринимает действительность, дает право называть его взгляд на жизнь поэтическим: *«Да так... Все кажется, что стоит крикнуть — и эта ночь сразу превратится в глыбу черного льда. И мы окажемся внутри ледяной глыбы»* (с. 358). Неслучайно именно Пахомова полюбила Татьяна Андреевна, увидевшая в нем образ, напоминающий Пушкина.

Внезапно начавшаяся война оказывает на художников большое влияние, испытывая их. Вермель, узнав о наступлении врага, восклицает: *«Конечно, Миша! Теперь нам осталось только драться. И не оглядываться назад. И ни о чем не жалеть. Не жалеть! — крикнул Вермель. — А когда окончится война, мы соберем все, что осталось»* (с. 446). Подобно тому, как Швейцер остается в Михайловском, чтобы спасти музей Пушкина, Вермель оправляется в Новгород, чтобы сохранить культурные ценности, находящиеся там. Там же он спасает дочь Татьяны Андреевны, Машу, вступив в бой с немецким солдатом. Его слова о стремлении сохранить русскую культуру в веках превращаются в реальные действия. Пахомов, узнав о начале войны, сразу собирается в военкомат: *«Мое место там, среди миллионов бойцов»* (с. 446). Его готовность рискнуть жизнью ради многочисленных незнакомых ему соотечественников говорит о храбрости героя, его способности на деле доказать слова о любви к родине.

Заключение

В системе персонажей романа выделяются как персонажи, ориентирующиеся на Пушкина, так и противостоящие ему. К первому типу относятся все главные герои — Швейцер, Татьяна Андреевна, Вермель, Пахомов, объединенные помимо этого своей связью с творческой де-

тельностью и способностью к созиданию нового. Героями противоположного типа становятся гитлеровские захватчики, основной функцией которых является разрушение русской национальной культуры. Сюжет романа постепенно раскрывает процесс преодоления героями сложнейших испытаний войны, показывает развитие их характеров и то, как они осознают свое предназначение, заключающееся в восстановлении культурного богатства страны, разрушенного врагом. Показательно, что в завершении романа Вермель произносит речь о будущей жизни: *«Мы восстановим всё. Всё! Снова будет жить под этим небом нетленная красота. <...> Я хочу увидеть вековые парки там, где они были, на месте теперешних порубок и пожарищ. А для этого нужно не меньше ста лет. Я хочу войти в их „священный сумрак“, — простите меня, что я не нахожу других слов и повторяю слова Пушкина. Я хочу увидеть их зеленые громады, освещённые солнцем. Тогда я смогу спокойно умереть, зная, что жизнь чертовски хороша!»* (с. 558). Образ Пушкина, вновь возникающий в размышлениях о будущем, говорит о вневременной ценности поэта как символа национальной культуры.

Актуализация образа Пушкина в судьбе каждого из четырех главных героев романа является важнейшим элементом их характеристики. Татьяна Андреевна, любящая, как Татьяна Ларина, мир литературы, переносит испытания блокадного Ленинграда, читая стихи Пушкина, и поддерживает тем самым множество соотечественников. Ее выбор в пользу Пахомова подчеркивает ее тягу к поэтической личности, образцом которой для героини является Пушкин. Для Вермеля поэт становится примером творческой личности, живой и деятельной. Пахомов видит в Пушкине образец гражданина, восстающего против врага на защиту отечества. Для Швейцера поэт является фигурой, определяющей его жизненный путь и становящейся причиной его главного подвига. Любовь к Пушкину подчеркивает творческое начало личности каждого героя, определяет их преданность родной культуре, пробуждает храбрость и стойкой перед лицом трагической опасности.

Благодаря обращению к пушкинской традиции в романе возникают мотивы любви к родине, верности искусству, готовности к подвигам, мотив дружбы, выражающийся в отношениях главных героев, вновь и вновь встречающихся и спасающих друг друга, несмотря на смертельную опасность. Отношение героев к творчеству как к силе, способной сохранить жизнь целой нации даже перед лицом катастрофической опасности, актуализирует один из ведущих мотивов лирики Пушкина — мотив поэтического бессмертия [Налегач, 2017, с. 135], наиболее ёмко запечатленный в стихах:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит*

(Александр Пушкин. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. 1959. С. 460).

Библиографический список

Артамонова И.В. «Мы почитаем всех нулями, а единицами — себя» (к вопросу о Пушкинской традиции в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого) // Пушкинские чтения: сб. науч. ст. по итогам Международной научно-практической конференции. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 49–54.

Арьев А.Ю. «Великолепный мрак чужого сада». Царское Село в русской поэтической традиции и «Царскосельская ода» Ахматовой // Звезда. 1999. № 6. С. 220–238.

Ачкасова Л.С. Гуманизм в творчестве К. Паустовского. Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 202 с.

Борисова Д.М. Мотив грозы в творчестве К.Г. Паустовского // Вопросы культурологии. 2022. № 8. С. 655–659. DOI: 10.33920/nik-01-2208-06

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Метафора *дым отечества* в прошлом и настоящем: литературные истоки, семантика, речевые функции // Русская речь. 2019. № 3. С. 60–72. <https://doi.org/10.31857/S013161170005211-1>.

Голованевский А.Л. Дым в прозе И.С. Тургенева и поэзии Ф.И. Тютчева // Русская речь. 2018. № 6. С. 22–28. <https://doi.org/10.31857/S013161170003002-1>.

Грот Я.К. Примечания. Державин Г.Р. Сочинения: в 9 т. с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. СПб.: Типография императорской Академии наук (1864–1883).

Десятникова О.Я. Нравственные искания героев романа К.Г. Паустовского «Дым отечества» // Актуальные вопросы филологических наук: мат-лы Междунар. науч. конф. Чита, 20–23 ноября 2011 года. Чита, 2011. С. 47–49.

Жэнь Сытун. Сравнительное исследование образов Анны Карениной и Татьяны Лариной в аспекте «беглых» женщин в русской литературе XIX века // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 445–447.

Карпушкина Л.А. Образ А.С. Пушкина в русской литературе конца XIX — начала XX века и проблема литературной рецепции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 152 с.

Киселева Л.Ф. Пушкин в мире русской прозы XX века. М.: Наследие, 1999. 362 с.

Круглов Р.Г. Пушкинская традиция, пушкинский миф и пушкинский текст в русской поэзии второй половины XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 8. С. 2728–2734.

Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Издательский центр РГГУ, 1998. 483 с.

Налегач Н.В. Творческое преломление пушкинского мотива поэтического бессмертия в диалогической «поэтике отражений» И. Анненского // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 134–145.

Налегач Н.В. Пушкинская традиция в лирике И. Анненского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 22 с.

Пога Д.С. Система персонажей как способ выражения авторской позиции в повести В. Токаревой «Всё нормально, всё хорошо...» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 1 (80). С. 55–64. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2024.1.055>.

Семухина И.А. «...Словно в рулетку проигрался»: мотивно-тематический комплекс азартной игры в романе И.С. Тургенева «Дым» // Филологический класс. 2018. № 1 (51). С. 25–32. <https://doi.org/10.26710/fk18-01-04>.

Скороходов М.В. К.Г. Паустовский — читатель: к вопросу о круге чтения и библиотеках писателя и героев его произведений // Русская словесность. 2023. № 3. С. 55–62. https://doi.org/10.47639/0868-9539_2023_3_55.

Трунин К. Паустовский. Критика и анализ литературного наследия. Ridero. 2023. 150 с.

Федорова Е.А. Пушкинское слово в произведениях Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова как способ характеристики героя. Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11 № 2. С. 47–57.

Чувакин А.А. Концепт АЛТАЙ в художественной прозе К.Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2. С. 11–20.

Шарыпова Т.П. Работа над анализом романа «Война и мир» Л.Н. Толстого с целью рассмотрения эпохи и исторических личностей на занятиях по литературе со студентами первого курса факультета непрерывного образования // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 2. С. 219–223. <https://doi.org/10.17513/snt.38522>.

Источники

Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1963. 190 с.

Державин Г.Р. Сочинения. М.: «Правда», 1985. 578 с.

Злодеяния немецких извергов на могиле Пушкина. М.: «Правда». № 208 (9665). 30 августа 1944 г.

Михаил Бутов. Самый потерянный роман о войне. И обретенный. 13 октября 2020. Электронный ресурс <https://unost.org/authors/mihail-butov/samyj-poteryannyj-roman-o-vojne-i-obretennyj/>

Паустовский К. Г. Потерянные романы. Калуга: Калужское книжное издательство, 1962. 259 с.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т 2. Романы и повести. М.: Художественная литература, 1967. 559 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. М.: ГИХЛ, 1959. 799 с.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. 657 с.

References

Artamonova I.V. "We honor everyone with zeros, and ourselves with ones" (on the issue of Pushkin's tradition in the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy). *Pushkinskiye chteniya* = Pushkin Readings, Moscow, 2021, pp. 49–54. (In Russian).

Aryev A.Y. "The magnificent darkness of someone else's garden". *Tsarskoye Selo in the Russian poetic tradition and Akhmatova's "Tsarskoye Selo Ode"*. *Zvezda* = Zvezda, 1999, no. 6, pp. 220–238. (In Russian).

Achkasova L.S. Humanism in the works of K. Paustovsky, Kazan, 1972, 202 p. (In Russian).

Borisova D.M. The motif of a thunderstorm in the work of K.G. Paustovsky. *Voprosy kulturologii* = Questions of cultural studies, 2022, no. 8, pp. 655–659. (In Russian).

Vasiliev N.L., Zhatkin D.N. The metaphor of the smoke of the Fatherland in the past and present: literary origins, semantics, speech functions. *Russkaya rech'* = Russian Speech, 2019, pp. 60–72. (In Russian).

Golovanevsky A.L. Smoke in the prose of I.S. Turgenev and the poetry of F.I. Tyutchev. *Russkaya rech'* = Russian Speech, 2018, no. 6, pp. 22–28. (In Russian).

Grot Ya.K. Notes. Derzhavin G. R. Essays, St. Petersburg, 1864–1883. (In Russian).

Devyatyarova O.Ya. The moral quest of the heroes of K. G. Paustovsky's novel "The Smoke of the Fatherland". *Aktual'nyye vo-prosy filologicheskikh nauk* = Actual issues of philological sciences, Chita, 2011, pp. 47–49. (In Russian).

Ren Sytong. A comparative study of the images of Anna Karenina and Tatiana Larina in the aspect of "runaway" women in Russian literature of the 19th century. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *The World of Science, Culture, and Education*, 2024, no. 3(106), pp. 445–447. (In Russian).

Karpushkina L.A. The image of A. S. Pushkin in Russian literature of the late XIX–early XX centuries and the problem of literary reception. Thesis of Cand. Philol. Diss., Moscow, 2000, 152 p. (In Russian).

Kiselyova L.F. Pushkin in the world of Russian prose of the XX century, Moscow, 1999, 362 p. (In Russian)

Kruglov R.G. Pushkin's tradition, Pushkin's myth and Pushkin's text in Russian poetry of the second half of the twentieth century. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of theory and practice of Philology, 2024, vol. 17, iss. 8, pp. 2728–2734 (In Russian).

Musatov V.V. Pushkin tradition in Russian poetry of the first half of the 20th century, Moscow, 1998, 483 p. (In Russian).

Nalegach N.V. The creative refraction of Pushkin's motif of poetic immortality in the dialogic "poetics of reflections" by I. Annensky. *Kritika i semiotika* = Criticism and Semiotics, 2017, no. 2. (In Russian).

Nalegach N.V. Pushkin's tradition in the lyrics of I. Annensky. Abstract of Philol. Cand. Diss., Tomsk, 2000, 22 p. (In Russian).

Poga D.S. The character system as a way of expressing the author's position in V. Tokareva's novel "everything is fine, everything is fine...". *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2024, no. 1(80), pp. 55–64. (In Russian).

Semukhina I.A. "... As if I had lost at roulette": the motive-thematic complex of gambling in I.S. Turgenev's novel "Smoke". *Filologicheskii klass* = Philological class, 2018, no. 1(51), pp. 25–32. (In Russian).

Skorokhodov M.V. K.G. Paustovsky — the reader: on the question of the circle of reading and libraries of the writer and the heroes of his works. *Russkaya slovesnost'* = Russian Literature, 2023, no. 3, pp. 55–62. (In Russian)

Fedorova E. A. Pushkin's word in the works of F.M. Dostoevsky and V.V. Nabokov as a way of characterization of the hero. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* = Word.url: Baltic accent, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 47–57. (In Russian).

Chuvakin A.A. The concept of Altai in the fiction of K.G. Paustovsky. *Filologiya i chelovek* = Philology&Human, 2016, no. 2, pp. 11–20. (In Russian).

Sharypova T.P. Work on the analysis of the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy in order to consider the epoch and historical figures in literature classes with first-year students of the Faculty of Continuing Education. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii* = Modern High-tech Technologies, 2021, no. 2, pp. 219–223. (In Russian).

List of Sources

- Griboyedov A.S. Woe from wit. Moscow, 1963, 190 p. (In Russian).
- Derzhavin G.R. Essays, Moscow, 1985, 578 p. (In Russian).
- Mikhail Butov. The Most Lost Novel About War. And Found. October 13, 2020. Retrieved from: <https://unost.org/authors/mihail-butov/samyj-poteryannyj-roman-o-vojne-i-obretennyj>. (In Russian).
- The atrocities of the German monsters on Pushkin's grave, *Pravda*, no. 208 (9665), August 30, 1944. (In Russian).
- Paustovsky K.G. Lost novels, Kaluga, 1962, 259 p. (In Russian)
- Paustovsky K.G. Collected works in eight volumes, vol. 2 two. Novels and novellas. Publishing house "Fiction", 1967, 559 p. (In Russian).
- Pushkin A. S. Collected Works, vol. 2. Poems 1823–1836, Moscow, 1959, 799 p. (In Russian).
- Trunin K. Paustovsky. Criticism and analysis of literary heritage, Moscow, 2023. (In Russian).
- Tyutchev F.I. Complete works and letters, Moscow, 2003, vol. 2. 657 p. (In Russian).